

Т. А. Снигирева, А. В. Снигирев
**«А МОГЛО БЫТЬ ИНАЧЕ»: ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
 В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Б. АКУНИНА**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-122-128

УДК 82.09:82-94

ББК 83.3(2)

В статье исследуется проект «История Российского государства» Б. Акунина в аспекте историко-философской концепции писателя, реализованной как в исторических томах, так и в серии художественных сопровождений к ним. Показано, что для проекта в целом характерны особая модальность возможного, но не свершившегося, постоянная артикуляция значимости несостоявшегося, специфическая авторская интонация, связанная с постоянным ощущением упущенного выбора более успешного исторического пути. В историческом повествовании пространство нереализованных возможностей объяснено как особым географическим положением страны, так и психологическими и даже психофизиологическими особенностями главных действующих лиц. В художественных текстах-приложениях авторский взгляд меняется. Если в исторических томах доминантным приемом становится метод психологической дешифровки, то в беллетристических сопровождениях упор сделан на демонстрацию роли случая/случайности в образовании и развитии российской государственности, для чего используется прием ретропрогнозирования, заставляющий читателя вспоминать (не без досады), что история не знает сослагательного наклонения.

Ключевые слова: Б. Акунин, история Российского государства, альтернативная история, психологическая дешифровка, поэтика случайного, ретропрогнозирование

Когда успешный беллетрист, автор популярных детективных романов начинает разрабатывать и в течение десяти лет осуществлять проект, на массовое чтение напрямую не рассчитанный, закономерно встает вопрос: зачем ему это нужно? По завершении проекта целеполагание современного писателя становится очевидным: он решил встать на путь культуртрегерства в форме популяризации. Предваряя первый том, Б. Акунин сразу оговаривает, что пишет историю «не страны, а именно государства», что даст возможность, по мнению писателя, ответить на ключевой для него вопрос: «...как и почему Россия получилась именно такой?»¹ Историческая концепция, положенная в основу повествования в девяти томах, связана с вопросом соотношения европейского

и азиатского в российской государственности. Еще один важный вопрос, которым задается писатель: Россия–Азия — это откат назад? И отвечает на него в первом томе во фрагменте «Вместо Заключения»: «Из-за двойственной европейско-азиатской конструкции Россию на протяжении ее истории много раз швыряло из одной крайности в другую. Страна то начинала запыленно “европеизироваться”, то шарахалась назад в “Азию”».² Историк и писатель не только не противопоставляет Россию–Европу России–Азии, но и последовательно показывает сложное движение истории, в котором азиатское столь же важно в нашей государственности, как и европейское: «Во-первых, без “азиатского” компонента Россия не была бы такой культурно и духовно могущественной страной, какой она сегодня является. Во-вторых, примат “государственности” и “общинное” устройство массового сознания не раз помогали России пережить тяжчайшие потрясения, которых не выдержало бы сугубо европейское государство (они и не выдерживали)... Где бы мы были без “своей азиатской рожки”, без этой восточной неубиваемости? Да и были бы?»³

Б. Акунин обрамляет свой проект разветвленной системой дополнений, долженствующих его расширить и углубить: интервью, размышлениями в блоге, серией печатных

¹ Акунин Б. Часть Европы. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия. М., 2014. С. 3.

Снигирева Татьяна Александровна — д.филол.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет; в.н.с. сектора истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: tas0905@rambler.ru

Снигирев Алексей Васильевич — к.филол.н., доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи, Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург)
E-mail: alex_sengir@rambler.ru

² Там же. С. 387.

³ Там же.

книг, созданных по материалам блога, рекомендациями и изданием трудов историков, которые, по мнению Б. Акунина, заслуживают неперемного чтения. И наконец, важнейший ход писателя — сопровождение каждого исторического тома художественным «приложением» — повестями и романами, посвященными описанной в историческом тексте эпохе, — «Историей Российского государства в повестях и романах».⁴ Необходимость художественных «вариаций на тему» (к настоящему времени это «Огненный перст», «Бох и Шельма», «Вдовый плат», «Седмица трехглазого», «Ореховый Будда», «Доброключения и рассуждения Луцина Катина», «Мир и война», «Дорога в Китеж») можно объяснить традиционно и просто: это «повторение пройденного», своеобразное усвоение исторического материала в «занимательных картинках», наконец, диктат его «легкого пера», которые требовали создания не только научно-популярного повествования, но обязательной его художественной интерпретации. Однако настоящая причина, думается, интереснее и глубже. Неоднократно подчеркивая, что его прежде всего интересует история *государства*, Б. Акунин параллельно заостряет внимание своих читателей на том, что могло бы произойти в истории России, но не произошло. С каждым томом и новым приложением становится все очевиднее, что его интересуют «тайные нити истории», которые и сделали российскую государственность такой, какая она есть. Историческое повествование и художественные приложения характеризуют особая модальность возможного, но не свершившегося, значимость несостоявшегося, сложное соотношение события и случая, авторская интенция, связанная с постоянным ощущением «упущенного», повторением ситуации *the impossibility of the possible*.

В историческом повествовании пространство нереализованных возможностей объяснено традиционно — особым географическим положением страны, обусловившим ее «швыряние» из одной крайности в другую, что подчеркнуто подзаголовком почти к каждому тому: «Часть Европы», «Часть Азии», «Между Азией и Европой», «Между Европой и Азией», «Азиатская европеизация», «Евразийская империя». Это с одной стороны. С другой сторо-

ны, не столь банальной, «игру случая» в его соотнесенности с реализованным ходом истории писатель склонен объяснять психологическими и даже психофизиологическими особенностями ее главных действующих лиц, а порой и фоновых персонажах. Б. Акунин прибегает к приему, о котором точно сказал Ю. М. Лотман: «Важно понять, что самые общие исследования исторических процессов и самое конкретное описание мыслей, чувств и судеб человеческой единицы — не высшее и низшее звенья постижения прошлого, а два плеча одного рычага, невозможные друг без друга и равные по значению».⁵ В методе психологической реконструкции, по мнению ученого, «есть одно существенное преимущество — стремление максимально приблизиться к реконструируемой реальности, к подлинной личности того, на ком он сосредоточил свое внимание».⁶

Например, в предисловии к пятому тому проекта «Азиатская европеизация. История Российского государства. Царь Петр Алексеевич» Б. Акунин, оговаривая структуру книги, прямо объясняет необходимость ее первой части, полностью посвященной личности Петра I: «Без знания и понимания того, что представлял собой этот человек, трудно было бы понять, почему события шли так, а не иначе. Обстоятельства его личной жизни, черты характера, умственное устройство, система взглядов, пристрастия и фобии, даже состояние его здоровья — все эти, казалось бы, частности оказывали немалое влияние на жизнь страны, а некоторые из них стали частью национальной матрицы и сегодня воспринимаются миром как нечто исконно российское. Если русская литература “вся вышла из гоголевской шинели”, то про российское государство можно сказать, что оно до сих пор донашивает петровские ботфорты».⁷ Бесспорно, царь Петр I — одна из ключевых фигур Российского государства. Спор, поставил ли он Россию на дыбы или вздернул на дыбу, не кончается. Оригинальность концепции Б. Акунина (не убоимся оксюморона) в ее же тривиальности, даже банальности: главный вопрос, волнующий автора — оправдывает ли благая цель (европеизация страны, вывод ее на мировую арену) жестокость средств, для этого используемых, или чуть иначе: шла бы европеизация

⁴ См. об истории создания и систематике проекта подробнее: Историческая сценография // Снигирева Т. А., Подчиненов А. В., Снигирев А. В. Борис Акунин и его игровой мир. СПб., 2017. С. 105–162.

⁵ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Акунин Б. Азиатская европеизация. История Российского государства. Царь Петр Алексеевич. М., 2018. С. 5, 6.

России более результативным и менее катастрофическим путем, если бы не особенности личности царя? Б. Акунин не может скрыть своего, скажем прямо, отвращения к Петру (что весьма, на первый взгляд, странно для западника Г. Ш. Чхартишвили). Неслучайно в качестве зачина к тому приводится резкая цитата-высказывание Л. Толстого, полная ненависти и презрения к царю-преобразователю: «...у Льва Толстого фигура Петра вызывает омерзение и ужас: “Беснующийся, пьяный, сгнивший от сифилиса зверь четверть столетия губит людей, казнит, жжет, закапывает живых в землю, заточает жену, распутничает, мужеложествует, пьянствует, сам забавляясь рубит головы, кощунствует, ездит с подобием креста из чубуков в виде детородных членов и подобиями Евангелий — ящиком с водкой славит Христа, т. е. ругается над верою, коронует б... свою и своего любовника, разоряет Россию и казнит сына, и умирает от сифилиса, и не только не поминают его злодейства, но до сих пор не перестают восхваления доблестей этого чудовища, и нет конца всякого рода памятников ему” (знаменитый фрагмент из черновика к рассказу “Николай Палкин”)».⁸

В основе тома, посвященного попытке увязать характер Петра с историей страны, безусловная, но интересная мысль о том, что европейскую и российскую историю творили два душевно больных человека — безумцы Карл и Петр. Психологическая параллель (по мнению автора, «это были во всех отношениях достойные противники») проведена по всем линиям характеров и поведения: от портретных характеристик до личных историй любви/нелюбви и сводится в конечном счете к оглашению предположительных психиатрических диагнозов обоих героев эпохи. О российском императоре: «Согласно одной версии, Петр мог страдать синдромом Туррета... Люди с синдромом Туррета гиперактивны, подвержены атакам бешеного гнева и вообще склонны к обсессивно-компульсивному поведению».⁹ Другой диагноз, приводимый Акуниным и также объясняющий странности поведения Петра, дан американским неврологом Дж. Хьюзом, считавшим, что царь страдал клещевым энцефалитом: «Известно, что у людей, страдающих этим видом эпилепсии, бывают периоды неконтролируемого веселья,

сменяемые депрессией и страхами».¹⁰ Однако после таких диагнозов Акунин счел возможным подчеркнуть, что «и синдром Туррета, и эпилепсия никак не тормозят интеллектуальную деятельность — наоборот, бывает, что делают ее более интенсивной. Оба болезненных состояния нередко наблюдаются у гениев».¹¹ Психиатрическая диагностика используется и при обрисовке личности Карла XII: «...его поведение соответствует симптоматике синдрома Аспергера, болезни аутистического спектра: трудность общения с людьми, резко ограниченная эмпатия и скудость эмоций, нечувствительность к боли, фиксированность главных интересов, патологическое упрямство, проблемы с вербальностью».¹² Акунин понимает, что может вызвать шквал критики со стороны профессионалов, многое в истории объясняя особенностями ее главных деятелей, поэтому, во-первых, оговаривается: «Разумеется, не следует воспринимать Великую Северную войну как конфронтацию предположительного эпилептика с предположительным аутистом. Среди абсолютных монархов люди с совершенно нормальной психикой вообще редкость — такой уж это нездоровый образ жизни».¹³ Во-вторых, писатель продолжает настаивать на том, что психологическая реконструкция личностей, сыгравших огромную роль в крутых поворотах истории, проясняет ее закономерности: «...без учета личностных аномалий Петра I и Карла XII трудно было бы объяснить, как некоторые действия этих правителей, так и политические маневры подвластных им государств».¹⁴

В финале исторического повествования автор задается вопросом: «Велик ли был Петр Великий?» И отвечает: «В значении масштаба, исторической значимости — вне всякого сомнения», — но добавляет: «Но это величие обошлось стране очень дорого — может быть, даже слишком дорого».¹⁵ Поэтому пафос тома — преимущественно разоблачительный, автора интересуют не столько реформы царя-преобразователя (тем более что о них написаны солидные исторические труды и работа над этим вопросом занимает и, видимо, всегда будет занимать историческую науку),¹⁶ но скорее

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 19, 20.

¹² Там же. С. 99.

¹³ Там же. С. 100.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 375.

¹⁶ См., напр., постоянные «Петровские рубрики» в журнале *Quaestio Rossica*, статьи которых посвящены целому спектру,

⁸ Там же. С. 4.

⁹ Там же. С. 18.

цена, которую заплатил народ России за эти реформы.

В «Петровском томе» осуществляется постоянная оговорка, присущая всем томам исторического повествования, — «если бы не...» В случае с «Азиатской европеизацией» допущение связано с утверждением того, что, «если бы не» безумная составляющая личности правителя, то, возможно, чудовищные средства достижения цели не привели бы к формированию чиновничьего аппарата, характерологические черты которого — показное рвение и тотальное воровство — позволили Б. Акунину прийти к неутешительному выводу: «Если в России и произошла европеизация, то исключительно фасадная, декоративная, а внутренняя архитектура государства, наоборот, была перепланирована на “азиатский” манер. Страна отнюдь не стала частью Европы, а лишь “отворила в нее окно”. Окно — не дверь, оно существует для того, чтобы через него смотрели, а не ходили. И смотреть на Европу через окно, да еще зарешеченное (для выезда за границу требовалось разрешение), Россия будет еще долго, продолжая жить своей собственной “ордынской” жизнью».¹⁷

Итак, в исторических томах Б. Акунин склонен особые повороты истории объяснять не только спецификой географии России или характером международных ситуаций и событий определенной эпохи, но и в немалой степени личностью правителя, таинственной и непредсказуемой волей оказавшейся вершителем судьбы истории. Иная оптика задана в художественных сопровождениях к истории Российского государства. Безусловно, Акунину-автору исторических текстов, в том числе и фэнтезийного характера, были открыты пути альтернативной истории, но применительно к данному проекту он отвергает эту возможность: «Альтернативная история как жанр меня мало интересует из-за своей очевидной

бесплодности».¹⁸ Однако начало знаменитой работы А. В. Исаченко «Если бы в конце XV в. Новгород одержал победу над Москвой (Об одном несостоявшемся варианте истории русского языка)» могло стать эпиграфом почти к каждому художественному произведению, сопровождающему выход очередной книги «Истории Российского государства»: «Ниже следующие соображения следует понимать как некий мысленный эксперимент. Автор не считает ход истории абсолютной необходимостью: во всех исторических процессах были и есть переломные пункты — распутья. Выбор того или другого пути часто зависит от слепого случая».¹⁹ Нет, герои Б. Акунина не наступают на бабочку, отчего выборы президента выигрывает другой кандидат, как в классическом рассказе Р. Бредбери.²⁰ В излюбленной манере игры с читателем Б. Акунин доводит историю России до некой «контрольной точки», с которой она могла пойти другой, не «нижнечегемской дорогой».²¹ Несвершившийся путь мог быть менее драматичен и более успешен для государства и народа, но, зачастую из-за случайного стечения обстоятельств, история осуществляет свое реальное течение. Читателю, однако, с провокационной очевидностью дается возможность представить, какова была бы история, «если бы...».

В художественных текстах — приложениях к историческим томам доминирующим приемом становится демонстрация роли случая/случайности в образовании и развитии российской государственности. Акунин-писатель идет путем последовательного изображения поворотов судьбы героев историко-семейной саги из рода «меченых» (у разных поколений обязательный знак принадлежности к клану — характерная родинка на лбу), семейная история которого круто вплетена в большую историю. Клановая метка, как бы она ни называлась — перст, плевок, клюква, — по сути, выполняет одну функцию: это печать истории. Важно, что вариативность находится между двумя полюсами — от отмеченного до клейменного. В совокупности «довелось клейму побыть и персидским царским знаком, и колдовской

связанному с феноменом Петра. Назовем некоторые работы разных лет: Кошелева О. Е. Современная отечественная историография России предпетровского времени: новые аспекты // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6, № 1. С. 269–289; Редин Д. А. Переходные эпохи, власть и дидактика исторического знания: культурно-семиотическое прочтение // *Quaestio Rossica*. 2013. № 1. С. 43–51; Акельев Е. В. Из истории введения брадобрития и «немецкого» костюма в петровской России // *Quaestio Rossica*. 2013. № 1. Р. 90–98; Петрухинцев Н. Н. Раннее европейское влияние на Петра I: Патрик Гордон и Франц Лефорт в конце XVII в. // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 1. С. 198–218; Редин Д. А. Эффективность местного управления в Петровскую эпоху: парадоксы централизации // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4, № 3. С. 190–216.

¹⁷ Акунин Б. Азиатская европеизация. С. 374.

¹⁸ Он же. Любовь к истории. М., 2012. С. 285.

¹⁹ Исаченко А. В. Если бы в конце XV века Новгород одержал победу над Москвой (об одном несостоявшемся варианте истории русского языка) // *Вестник Российской академии наук*. 1998. Т. 68, № 11. С. 970.

²⁰ См.: Бредбери Р. И грянул гром... // *Крик дерева: сборник зарубежной научной фантастики*. М., 1991. С. 477–491.

²¹ См. роман Ф. Искандера «Сандро из Чегема». М., 2014.

печатью, и древним юдейским пророчеством, и много чем».²² Добавим — от божественной до каиновой печати, от перста до плевка. Отметина в разных исторических обстоятельствах оборачивается то счастьем, то несчастьем для ее носителя, что подчеркивает и драматизм, и непредсказуемость, изветвленность влечения человеческой судьбы в историю.

Безусловно, мир художественных приложений — игровой мир, замешанный на сильную авантюрно-детективную интригу, в нем герои играют множество ролей, скрывая, а в экстремальный момент открывая свое истинное лицо, это мир перевертышей и путешествий, тайн и открытий, коварства и любви. Но, повторим, в каждом из художественных приложений неприменим эпизод, связанный с так называемой развилкой истории, в которой Россия могла пойти одним путем, но волею характера главных героев или волей случая пошла другим. Так, например, в Ордынском томе Б. Акунин прямо досаждает: «Однако значение виктории, одержанной 8 сентября 1380 г., этим не ограничивалось. Разбив в генеральном сражении главные силы Золотой Орды, русские навсегда избавились от застарелого страха перед монгольским оружием. Казалось, полуторавековому владычеству татар теперь наступит конец. Если бы это случилось, независимое русское государство воскресло бы намного раньше, чем это произошло в действительности, и наша история наверняка сложилась бы иначе».²³ В повести-сопровождении к этому тому «Бох и Шельма» Б. Акунин не преминет заметить, что главный герой этого эпизода истории не очень понял значение Куликовской битвы: «Дмитрий Иванович сначала осмотрел побоище, даже в воду заехал. Удивленно покачал головой на посеченные деревья, на груды трупов. Зычным голосом обратился к свите: — Пронес Господь. Кабы татары отсюда нам в тыл зашли — конец. Ай да тарусцы!»²⁴ Таким образом Акунин выходит к артикуляции главной своей мысли о том, что историю делает личность, причем не только государственного, но и, нередко, частного масштаба. Весь сюжет повести сводится к тому, что Куликовскую битву выиграла не Дмитрий Донской, не тактика «запасного полка», но беззаветная решимость кузнеца

Сыча и сплетение авантюры, хитростей и ловкости Шельмы: «Подставляя щеки под жесткие уста московского самодержателя, Яшка думал, что в мире все стоит на неправде. Истинный победитель татар вон в траве валяется, рачительные мужики с него уж и порты с сапогами сняли. И про сечу эту на Куликовом поле, на Непрядве-реке, тоже все переврут. Станут чувствовать одних, кого, может, и не за что, а тех, кого надо бы, и не вспомнят. И всегда оно так... Ладно. Не нами мир поставлен, не нам его и бранить».²⁵

Еще очевиднее являет себя прием «урока» утраты возможности при сопоставлении третьего тома («От Ивана III до Бориса Годунова») исторического повествования и беллетристического тома-сопровождения (повесть «Вдовий плат»), в котором перелагается эпизод подчинения Господина Великого Новгорода Москве. Б. Акунин исходит из того, что «историки так и не решили, как интерпретировать историю с ошибочным титулованием. Возможно, чиновники просто переусердствовали в лъстивости, но вероятнее, что они принадлежали к “Московской партии” и это была сознательная провокация, к тому же, не исключено, заранее согласованная с великокняжеским двором».²⁶ В повести эпизод замены титулования, приведший в конечном счете к краху вольного Новгорода конкретизируется, становится реалистично-зримым, «обретает плоть»: «У Назара с Захаром заготовлено две бумаги. Одна с всегдашним титулованием: от Господина Великого Новгорода господину великому князю. А в другой заменено одно слово: не “господину великому князю”, а “государю великому князю”. <...> И если великое вече обращается к тебе как к своему государю, это означает отказ от вольностей и прав. <...> Какую скажу, такую и прочтут».²⁷ И, что принципиально для Б. Акунина, решает, какую прочитать, не Московский царь, не законы движения истории, но исход борьбы-соперничества трех сильных новгородок, каждая из которых обладает недюжинным характером и своей личной целью.

Пожалуй, особый драматизм характерен для описания Б. Акуниным исторической развилки, связанной с несвершившимся подписанием Александром II Манифеста, подготовленного М. Т. Лорис-Меликовым. «Лекарство для им-

²² Акунин Б. Бох и Шельма. М., 2015. С. 152.

²³ Он же. Часть Азии. История Российского государства. Ордынский период. М., 2014. С. 263.

²⁴ Он же. Бох и Шельма. С. 277.

²⁵ Там же. С. 280, 281.

²⁶ Акунин Б. Между Азией и Европой. История Российского государства. От Ивана III до Бориса Годунова. М., 2016. С. 54.

²⁷ Он же. Вдовий плат. М., 2016. С. 232.

перии» (так назван том) не дали «больному»: «Министры выступали один за другим, доказывая, что репрессии не могут подавить революционных настроений — уже пробовали, не получилось; что лучший способ победить крамолу — перетянуть общество на свою сторону при помощи умеренных реформ. Столкнувшись с таким единством, Александр заколебался. У него не хватило ни ума, ни уверенности идти против собственного кабинета. И тут Победоносцев решительным ударом повернул ход борьбы — и определил всю дальнейшую судьбу России».²⁸ В художественном сопровождении этот поворот предопределяется не столько характером царя, сколько традиционной интригой подмены, свойственной авантюрному роману: «— Вы будете говорить со мной про Манифест? — догадался царь. — Ах, если бы раньше! Теперь не подписать его уже нельзя. Поздно. — Манифест нужно подписать, обязательно нужно. — Константин Петрович полез в портфель. — Только не лорисовский, а вот этот».²⁹

И все же в одном тексте Б. Акунин перешел черту, отделяющую его от альтернативной истории. Речь идет о пьесе «Убить змеёныша». В центре авторского внимания экстремальная ситуация — возможное царевубийство молодого Петра, заговор замысливается царевной Софьей и ее ближайшим окружением и должен быть осуществлен в Преображенском. Писатель предлагает два финала. Первый рисует возможную реализацию заговора, царевубийство свершается, история России идет по иному, не петровскому пути: «Господи! Убит, убит... И ничего не будет. Ничего, о чем мечтали... Ни

флота. Ни побед. Ни окна в Европу. Ни правильной столицы на морском берегу. Ни империи... Не быть России великой...»³⁰ Важна авторская ремарка: «Прожектор гаснет. Пауза. Должно быть полное ощущение, что спектакль закончен».³¹ Но спектакль истории имеет иной финал, которому и подчиняется второй финал пьесы: «Все будет. Все, о чем говорили. И флот, и победы, и новая столица на привольном берегу. Ты будешь Петром Великим. Россия будет великой!»³² И здесь также чрезвычайно важна авторская ремарка, отнюдь не оптимистического, скорее иронично-саркастического характера: «Петр расправляет плечи. Поднимает руку, в которой свернутый чертеж. Другой держится за штурвал. Лодка вдруг начинает подниматься вверх, Петр застывает и превращается в памятник Церетели».³³

Итак, совершенно очевидно, что прием, столь характерный для классических текстов «альтернативной истории», выстроенных по принципу «если бы Наполеон сбежал в Америку», Б. Акунину не подходит, его не интересует «другая» история, писателю интересны «развилки» истории реальной. Отсюда прием психологической дешифровки череды событий в исторических томах и прием ретропрогнозирования в художественных сопровождениях. Ретропрогнозирование у Б. Акунина становится не основой сюжета, но частью авторской оптики, которая заставляет читателя то и дело с досадой сожалеть: если бы не случилось то, что случилось, история могла быть иной, но не стала, поскольку история, увы, не знает сослагательного наклонения.

Tatyana A. Snigireva

Doctor of Philological Sciences, Professor, Ural Federal University; Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: taso905@rambler.ru

Alexey V. Snigirev

Candidate of Philological Sciences, Ural State Law University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: alex_sengir@rambler.ru

“IT COULD HAVE BEEN OTHERWISE”: HISTORY OF THE RUSSIAN STATE AS INTERPRETED BY B. AKUNIN

The article examines B. Akunin's project “History of the Russian State” in the aspect of historiosophical concept of the writer, implemented both in historical volumes and in a series of

²⁸ Он же. Лекарство для империи. История Российского государства. Царь-освободитель и царь-миротворец. М., 2021. С. 286.

²⁹ Он же. Дорога в Китеж. М., 2021. С. 390.

³⁰ Он же. Между Европой и Азией. История Российского государства. Семнадцатый век. М., 2016. С. 298.

³¹ Он же. Убить змееныша // Седмица трёхглазого. М., 2017. С. 298.

³² Там же. С. 301.

³³ Там же.

artistic accompaniments to them. It is shown that the project is generally characterized by the special modality of the possible, but not accomplished, the constant articulation of failure's significance, the specific author's intonation related to the constant feeling of a missed choice of a more successful historical path. In the writer's historical narrative, the space of unrealized possibilities is explained both by the special geographical position of the country and by the psychological and even psychophysiological oddities of the main history figures. In artistic applications the author's optics are changing. If the method of psychological deciphering becomes the dominant technique in historical volumes, then in fiction accompaniments the emphasis is on demonstrating the role of chance and occasionality in formation and development of the Russian state. It is realized by the technique of retroprognostication, forcing the reader to remember (not without disappointment) that history does not know the conjunctive mood.

Keywords: *B. Akunin, history of the Russian state, alternative history, psychological deciphering, poetics of occasional, retroprognostication*

REFERENCES

- Akeliev E. V. [On the history of beard shaving and the introduction of "German" clothing in Peter the Great's Russia]. *Quaestio Rossica*, 2013, no. 1, pp. 90–98. DOI: 10.15826/qr.2013.1.010 (in Russ.).
- Isachenko A. V. [If Novgorod had won over Moscow at the end of the 15th century (About one failed version of the history of Russian language)]. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk* [Vestnik of the Russian Academy of Sciences], 1998, vol. 68, no. 11, pp. 970–974. (in Russ.).
- Kosheleva O. E. [Contemporary Russian Historiography on the Pre-Petrine Era: New Aspects]. *Quaestio Rossica*, 2018, vol. 6, no. 1, pp. 269–289. DOI: 10.15826/qr.2018.1.295 (in Russ.).
- Lotman Yu. M. *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin]. Moscow: Kniga Publ., 1987. (in Russ.).
- Petrukhintsev N. N. [Early European influences on Peter the Great: Patrick Gordon and Franz Lefort at the end of the 17th century]. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 198–218. DOI: 10.15826/qr.2017.1.219 (in Russ.).
- Redin D. A. [Reforms of Local Administration in the Petrine Epoch: The Paradoxes of Centralisation]. *Quaestio Rossica*, 2016, vol. 4, no. 3, pp. 190–216. DOI: 10.15826/qr.2016.3.183 (in Russ.).
- Redin D. A. [The Power and the Teaching of History in the Times of Transition: A Cultural-Semiotic Perspective]. *Quaestio Rossica*, 2013, no. 1, pp. 43–51. DOI: 10.15826/qr.2013.1.005 (in Russ.).
- Snigireva T. A., Podchinenov A. V., Snigirev A. V. *Boris Akunin i yego igrovoy mir* [Boris Akunin and his Game World]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 2017. (in Russ.).

Для цитирования: Снигирева Т. А., Снигирев А. В. «А могло быть иначе»: история Российского государства в интерпретации Б. Акунина // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 122–128. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-122-128.

For citation: Snigireva T. A., Snigirev A. V. "It could have been otherwise": history of the Russian state as interpreted by B. Akunin // Ural Historical Journal, 2022, no. 4 (77), pp. 122–128. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-122-128.